

Журналист **АРКАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ БУИНОВ** известен телезрителям как автор и ведущий программы «Музограф». Но это, как говорится, для души. А в деловой и административной жизни «Останкино» он возглавляет студию музыкально-развлекательных программ. С гостем нашей постоянной рубрики беседует журналист **АЛЛА ВЛАДИМИРОВНА БЕРШАЧЕВСКАЯ**.

— Я слышала, у вас была большая семья?

— Нас у отца с матерью было пятеро: четыре брата и сестра. И братья все так или иначе связаны с музыкой. Владимир, он старший у нас был, умер в семьдесят девятом году — замечательный был джазовый пианист. Андрей работает в студии традиционной музыки ДК «Москворечье». Александр — певец. Так что все музыканты. Все нашли свое место в жизни, хотя и не без сложностей, которые, естественно, прилипли на пору молодую.

— А почему все четверо братьев стали заниматься музыкой?

— Это мама, Клавдия Михайловна. Она была пианисткой. И всегда говорила так: «Кто музыку познает, тот все познает». Трудное и сложное тогда было время, война шла...

— А как вы пришли к музыке?

— Ну, эта дорога хоть и прямая, но достаточно запутанная. Образование у меня музыкальное, я окончил Московскую консерваторию, а учился музыке с детства, с пяти лет. Но в какой-то момент я понял, что мои музыкальные способности недостаточно высоки для того, чтобы быть музыкантом-профессионалом, исполнителем. И мне это стало неинтересно.

— И что же дальше?

— Ну вот, на каком-то этапе я решил расстаться с музыкой, занимался много спортом, даже работал тренером. И учился в аспирантуре, на кафедре философии. Потом случайно попал на радио. Вот уж что случайно было, то случайно. Лет десять работал редактором, корреспондентом, собственным корреспондентом... Много ездил и как-то стал постепенно привыкать к тому, что я еще и журналист, хотя для меня и до сих пор этот термин достаточно высокий. А потом так сложилось, что после работы на радио я опять вернулся к музыке, но на совершенно ином витке. Потому что на горизонте появилось телевидение как достаточно мощное творческое начало в нашей жизни, и мне захотелось приобщиться именно к этому жанру. Пришел в музыкальную редакцию, это было в семьдесят шестом году, и вот с тех пор здесь.

— Как с годами менялись ваши представления о профессии?

— Да они, наверное, и не изменились у меня. Профессия — это ведь не сумма знаний в той или иной отрасли, а навык в использовании этой суммы знаний.

— Кто больше всего оказал на вас влияние в вашей творческой биографии?

— Может быть, я покажусь слишком нахальным, но мне кажется, я как-то сам себя держал за руку в этом процессе. Мне всегда было интересно делать то, что мне интересно. А кто оказал влияние на мою судьбу? Вот, скажем, музыка Грига для меня является какой-то вершиной. Это мое личное ощущение, но Григ, может быть, своей чистотой и простотой для меня является эталоном. И я переносю это состояние на все остальные ситуации и на всю свою деятельность: нужно, чтобы была простота и чистота.

— Вы творческий человек, как же вам может нравиться административно-хозяйственная работа?

— А кто вам сказал, что она мне нравится?

— Но ведь человек может состояться, если он делает то, к чему предназначен, к чему у него талант...

— Есть еще слово «надо». Некоторые вещи надо делать. Никто ведь не избавляет родителей от обязанности стирать грязные пеленки за своими детьми!

— И вы уже несколько лет в этом административном хозяйстве?

— Полгода всего. Но пока — интересно. Потому что пока я вижу смысл в своих действиях.

— А какое место занимает ваша студия в ряду творческих объединений, других студий?

— Сегодня студия музыкальных программ — это всего-навсего одна из студий, занимающихся музыкой, к сожалению для музыки и к сожалению для компании. Потому что очень многие объединения делают музыкальные программы. И от спортивной редакции, и от детской редакции мы получаем огромное количество музыкальных программ, и от студии «Эксперимент», и от студии «Вид», и так далее... И многие из этих программ делаются на стороне, то есть структурами, не имеющими профессионального отношения к музыке, но зато имеющими колоссальный интерес к коммерческим проектам, которые дают доход.

— Ну а как в эту коммерческую структуру вписывается ваша студия?

— Поскольку многие из сотрудников студии — это все-таки профессиональные музыканты, которые никогда не были запрограммированы на коммерческое, так сказать, участие в этой жизни, естественно, нам труднее всех. Именно потому, что мы-то всегда главной своей целью и задачей видели действительно некую духовность, некий художественный уровень. Сегодня то, что мы пытаемся делать на художественном уровне, не очень нужно эфиру, а то, что мы делаем на коммерческом уровне, мы пока не очень хорошо умеем делать.

— Сколько часов вещания у вас в месяц?

— По плану, который мы как бы официально получаем для нашей работы, — часов 25 в месяц. Это мало. На самом деле наши материалы в эфире идут часов 40—50. А вообще музыкальный материал в эфире — это где-то около 80—90 часов. Вот вам картина неучтенного эфирного времени...

— Это плохо?

— Конечно, это неучтенное время и создает во многом состояние нестабильности, неучтенных интересов, невозможности осуществить некую единую линию пропагандистского или художественного характера. Понимаете, нет возможности. Потому что если я могу повлиять на свою продукцию, то не могу повлиять на третью, а то и на две трети той продукции, которая делается вне студии. А значит, мои усилия пропадают.

— Много говорится о контроле над телевидением. Бывший Верховный Совет начал даже создавать наблюдательные советы...

— Это была, конечно, глупость. Но определенная забота о телевидении, безусловно, нужна. Я говорю сейчас не о финансах, я говорю о духовной заботе общества, его интеллектуальной элиты. Каким должно быть телевидение, какого качества, каково его место в воспитании нашего общества — вот на какие вопросы необходимо знать ответы. Если бы интеллектуальная элита осознала свою роль в разработке такой идеи, если бы можно было найти 15—20 человек, безусловно, уважаемых в стране, — за ум, за интеллигентность... Но как найти этих людей, как их собрать? Это, мне кажется, — важнейшая идея сегодня. Идея консолидации общества.

— А каким бы вам хотелось видеть телевидение?

— Было бы очень неплохо, если бы телевидение имело, скажем так, интеллигентное выражение лица. Не маску интеллигентности, которую иногда надевает это эфирное образование, называемое компанией «Останкино», а именно выражение лица. А выражение лица — это, вы знаете, как у бабушки или у дедушки, или у академика Лихачева... Когда то, что у человека внутри, отражается на его лице. Улыбка ли это, сурово ли сдвинутые брови, но это — выражение лица. Вот таким я и хочу видеть наше телевидение: с умным, интеллигентным — своим лицом.